

Последние школьные годы Северуса были полны противоречивых чувств. С одной стороны, он был поглощен зельеварением, его страстью, его призванием. С другой – его сердце тосковало по Каре, Ара Блэк, как она теперь называла себя, став мисс МакГонагалл. Северус, юный гений зельеварения, уже блистал на небосклоне магического мира. Его статьи о зельях вызывали восхищение, а реконструкция собственных изобретений из прошлой жизни заставляла коллег трепетать. Он жаждал начать самостоятельную практику, но понимал, что ему нужно больше, чем просто обучение у матери и в Хогвартсе. — Для настоящего мастерства мне нужно другое влияние, — размышлял Северус, — другое видение, другой мастер. Но ученичество у нового Мастера могло задержать его получение Мастерства. Северус мечтал получить его в девятнадцать лет, стать самым молодым Мастером зелий в истории. — Нельзя откладывать мечту, — решил он, — но и отказываться от дополнительного опыта тоже. Северус придумал хитроумный план: получить Мастерство, а затем отправиться на стажировку к другому Мастеру. Идеальным местом для этого показалась Бразилия, страна с богатейшим магическим разнообразием, где, к его радости, жили МакГонагаллы. — Ресифи, — прошептал Северус, — там я смогу встретиться с Карой, найти редкие ингредиенты для зелий и, возможно, даже приблизиться к созданию лекарства от ликантропии. Однако Северус не мог пока делиться своей разработкой Волчьего зелья. Дамоклу Белби понадобилось почти двадцать лет, чтобы создать это зелье. — Нельзя раскрывать все карты, — рассуждал Северус, — не хочу быть слишком блистательным вундеркиндом. Это привлечет ненужное внимание, особенно Волдеморта. Северус был озабочен тем, что не может видеть Кару. Минерва старалась держать его в курсе событий, но это было не то же самое, что личная встреча. Сириус регулярно писал Каре, а его близкая дружба с Марсали позволила ему быть посредником в переписке с сестрой. В итоге Сириус и Марсали стали встречаться. — Возможно, это и было прикрытием, — думал Северус, — но их чувства друг к другу, кажется, искренние. Сириус, как всегда, был непредсказуем, но Марсали, с ее спокойствием и здравым смыслом, сумела найти подход к нему. — Ты мой друг, а не мой родитель или профессор, Сев! — любил повторять Сириус, — Расслабься, Тень, я просто веселюсь. Мы молоды, наслаждайся этим! — Сириус, — вдохнул Северус, — в этом мире есть вещи важнее веселья. Северус был старше своих сверстников не только по возрасту, но и по мудрости, вынесенной из прошлой жизни. Он пытался направлять Мародёров, но часто чувствовал себя их отцом, что его тяготило. — Ты мой друг, а не мой родитель или профессор, Сев! — опять прозвучал голос Сириуса. Северус вздохнул. Он хотел бы иногда наложить на своего друга сглаз и замолчать его на время. — Ты мой друг, а не мой родитель или профессор, Сев! — вновь повторил Сириус, и Северус понял, что это не конец, а лишь начало. Девушки, которых они подбирали для Питера, были милы, привлекательны и умны. Но их школьные подруги не считали их равными тем, кого они пытались свести с Ремусом, — те были настоящими жемчужинами, умнейшими и красивейшими девушками в их году. Северус был единственным, кто замечал мелькающее выражение обиды и раздражения на лице Питера каждый раз, когда ему предлагали очередное имя. Лично Северус считал, что Сириус и Джеймс сделали отличный выбор для Питера. Все девушки, которых они предложили, хорошо подходили ему, — или, скорее, подходили тому Питеру, которого они представляли. Проблема заключалась не в самих девушках, а в том, как они их ему предлагали. В их жестах чувствовался намек на утешительный приз, на лучший вариант, на который Питер мог рассчитывать, — будто он не заслуживал внимания Сириуса, Джеймса или Ремуса.